

Лавка Чжан Шу сразу привлекла внимание. Казалось, что она приносит хорошую прибыль, а за прилавком стояли всего лишь один мужчина и один парень, оба довольно молодые. Таких достаточно было слегка запугать, чтобы получить деньги, даже не прибегая к физической силе. Деревенские люди больше всего боялись неприятностей.

Чжан Шу снял с Ли Муцзиня висящий на нем кошелек и перекинул его через плечо, после чего сказал:

— Ты собери вещи и запряги телегу. Я с этими двоими скоро вернусь.

Ли Муцзинь с беспокойством взглянул на тех двоих и ответил:

— Я пойду с тобой.

— Хороший, не надо! Поверь мне! — Чжан Шу успокаивающе погладил его по голове и дал твердый взгляд. Затем он тихо сказал тем двоим:

— Братья, здесь неудобно разговаривать. Не угодно ли вам пройти со мной в тот переулок?

Те обменялись взглядами, кивнули и пошли следом за Чжан Шу. Если они пока не боялись двоих, то тем более одного.

Чжан Шу шел впереди, широким шагом завернул в переулок, за углом остановился и стал ждать тех двоих. Те шли следом по пятам и скоро вошли.

— Молодой, ты похож на смышленного парня. Ладно, мы не будем жадничать, дай нам половину — и ладно, — так сказал усатый, а второй, с грубым лицом, согласно кивнул.

С порога потребовать половину, да еще и с таким тоном, будто он одолжил. Чжан Шу ничего не ответил, крепко затянул шнурок кошелька и со всей силы метнул его, сильно ударив по лицу высокого. Тот моментально опух. Сотни медных монет — вес немалый, да и сила у Чжан Шу была немалая.

Двоих застали врасплох, они не ожидали, что еще только что разговаривающий человек вдруг начнет драться. Высокий, получив удар, тут же бросился на Чжан Шу, и они схватились.

Второй, усатый, оказался подлее: в переулке нашел палку толщиной с руку и ударил Чжан Шу в спину. Многие мужчины проигрывали из-за такого их трюка.

Но у Чжан Шу спина словно глаза имела: хоть он спереди возился с высоким и разил кулаками, но сзади тоже ногу подсек и оттолкнул усатого, пытавшегося атаковать исподтишка.

Двоим стало ясно, что сегодня они нарвались на крепкий орешек. Но раз уж обидели, остается только драться насмерть. Чжан Шу бояться не привык, к тому же он знал: его жизнь крепче их. Он быстро восстанавливался после ран, а они?

Не прошло и минуты, как двоих уже поразила дикая манера драться Чжан Шу, словно у бешеной собаки. Ясно же, что он доминирует, а выглядит так, будто именно его загнали в угол.

Оба, с синяками и шишками, валялись на земле и охали: больно было до невозможности. Чжан Шу поднял кошелек Ли Муцзиня, бережно смахнул с него пыль и спрятал к себе на грудь. Потом он подобрал ту палку, которой усатый хотел ударить его, постучал ею о стену:

— Только что вы говорили, хотели половину, да? У меня тут примерно четыреста-пятьсот, так

что назовем это двести пятьдесят. Вам двоим поровну делить? Или как?

Двое переглянулись, в глазах ужас: ведь каждый понял, что он даст не медяками, а палкой-то! Всю жизнь охотился на уток, а тут его клюнула ворона. В этот раз они признали поражение.

Они перевернулись и упали на колени:

— Мы, братья, проглядели, не узнали великого человека! Молодой господин, вы нас простите! Мы больше не посмеём! Больше не посмеём!

Чжан Шу глядел на них, но черная меланхолия в сердце вовсе не рассеялась: если бы он не учился и не обладал большой силой, боюсь, что сегодня на коленях был бы он! Доходы за несколько дней тяжелого труда забрали бы, как бы он тогда показался на глаза своему маленькому Муцзиню?

Те двое, заметив, что лицо Чжан Шу несколько не смягчилось, встревожились еще сильнее: если дадут сто-двести палок, не то что умрут, так полжизни потеряют, а тогда этот деревенский паренёк спрячется в горах, и куда им, братьям, идти жаловаться на обиду?

— Старший брат, вы, великий человек, не поминайте нас, дураков, лихом, отпустите! Мы денег не хотим, вот эти вам тоже, в качестве извинения за вину! — Усатый и высокий вытащили свои кошельки и бросили их Чжан Шу, потом поспешно убежали.

Ли Муцзинь стоял у входа в переулок с большой железной поварешкой, собирался, как только что-то пойдет не так, ворваться спасать, в худшем случае — помочь разделить. Кто знал, что из переулочка несутся только крики тех двоих; он ломал голову, но раз Чжан Шу не проигрывал, он не входил.

Вскоре те двое вылетели оттуда, увидели его — глаза дошли до того, что будто он людей ест. Тот усатый вытащил из-за пазухи что-то, кинул в него, крича:

— Вам, всё вам! — а потом обогнул его и убежал.

Ли Муцзинь в полном недоумении поднял вещь, упавшую на его телегу, взглянул — и расцвел: белый слиток серебра, весом в один-два лян минимум! Если бы этот человек кинул в него еще парочку, было бы отлично!

В этот момент вышел и Чжан Шу, глядя на Ли Муцзиня с оцепенением, и протянул те два кошелька, что не были ихними.

— И у тебя есть? — глаза Ли Муцзиня засияли еще ярче, он понизил голос и сказал. — И у меня есть. Давай вернемся скорее, а то вдруг они вернуться!

Чжан Шу тоже так подумал: а вдруг у них есть запасной ход? Поторопился усадить Ли Муцзиня на телегу, погнал быка и уехал.

Весь путь оба были настороже, пока не выехали за городские ворота до того, как те закрылись, лишь тогда сердце успокоилось.

Ли Муцзинь прислонился к спине Чжан Шу, весело играл в руке маленьким слитком серебра.

— А Шу, ты как думаешь, почему они дали нам деньги?

— Не знаю, — голос Чжан Шу был глух. — Хотел просто их крепко побить, чтобы выпустить

злость, кто знал, что они бросят кошельки и убегут.

— Да, а когда уходили, еще и вещами в меня кидались!

— Что! Они еще и смеют бросаться в тебя! — Чжан Шу немного пожалел, что только что был ошарашен их амбициями. — Куда попало? Больно?

Ли Муцзинь обернулся, лег животом на спину Чжан Шу, потом обхватил его шею руками и поднес серебро перед его лицом:

— Вот этим кидался. Я еще думал: хорошо бы, если бы он кинул побольше!

— Это уже нельзя, если попадет в тело — больно. Если бы на землю кинул — тогда можно.

Они гнали телегу по горной дороге, на улице уже совсем стемнело. К счастью, утром, когда выходили, взяли с собой фонарь, да и этот теленок дорогу уже знал, так что не вляпались бы в яму.

Дома дедушка Чжан и бабушка Чжан ни есть ни спать не могли, то и дело выходили наружу посмотреть; не видели — опять лица полны тревоги, на сердце тревожно.

— Не могу, я пойду поищу, сердце мое никак не успокоится, — бабушка Чжан швырнула тряпку и собиралась выйти.

— Куда ты пойдешь в такой кромешной тьме? Вдруг наступишь в яму, мне потом тебя вытаскивать, — дедушка Чжан не смел ее отпускать: темно, старуха упадет куда-нибудь, и никто не узнает.

— Кто тебя просит вытаскивать? Мой А Шу и супруг у меня послушные! — Хотя так говорила, бабушка Чжан тоже отказалась от мысли искать людей: вдруг правда упадет куда-нибудь, тогда еще и свяжет молодых, не смогут выйти из дома.

— Ты давай посиди и подожди, А Шу сказал, что сегодня точно вернется, тревогой не поможешь. Или ты пойдешь пригостишь что-нибудь горячее, в такой холодный день, вернутся — наверняка проголодались.

Бабушка Чжан подумала — тоже правильно, тут же встала, только вышла, как вернулась:

— Ты иди мне огонь разведи.

Дедушка Чжан покачал головой, ничего не поделаешь, всю жизнь она им командовала.

Ли Муцзинь плотно прижался к Чжан Шу, укрывшись одеялом. Чжан Шу одной рукой держал вожжи, другой обнимал его, позволяя теплу своего тела передаваться ему.

Телеге все же надо сделать навес, иначе ветер совсем не преградит. Чжан Шу решил: по возвращении сразу попросит людей вместе соорудить навес, пусть даже придется в будущем возить меньше вещей, это лучше, чем позволять Ли Муцзиню здесь страдать от ветра.

Ли Муцзинь на самом деле чувствовал себя вполне нормально: он вместе с Чжан Шу укрылся под одеялом, голову зарыл ему в грудь, пусть снаружи ветер большой, ночь темная и холодная, он все равно чувствовал себя особенно спокойно.

После того как вышел замуж за Чжан Шу, он только и понял, что такое «сыт любовью». Пусть

ничего нет, но можно каждый день быть вместе, липнуть друг к другу — это все равно заставляет чувствовать себя очень счастливым.

Чжан Шу становился все лучше и лучше. Раньше деревенские девушки и парни, упоминая его, все лицо презрительным, будто выйти за него — дело очень невыносимое. Ли Муцзинь много слышал, так что с ними почти и не общался. А теперь, когда он выходит, иногда слышит, что говорят: он высокий, может зарабатывать, жалеет супруга.

Ли Муцзинь еще сильнее зарылся к нему в грудь: он очень рад, что пусть Чжан Шу меняется во многих местах, сердце к нему не изменилось.

<http://bllate.org/book/16721/1537510>